

СЕКЦИЯ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Вольхин А.И.

(Екатеринбург)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА И СИБИРИ)

Известно, что любая биологическая или социальная система успешно прогрессирует лишь по мере наращивания и усложнения связей между всеми ее элементами. В условиях военного противостояния жизнедеятельность таких сложных социальных систем, какими являлись Советское государство и советское общество, во многом зависела от эффективности принимаемых на всех уровнях власти управленческих решений. Непременным условием разработки и принятия управленческого решения являлось наличие объемной и достоверной информации об объекте управления. Такой информацией обладали органы НКВД–НКГБ СССР. Поэтому помимо разведывательной и контрразведывательной деятельности, выполнения задач тайной политической полиции, контрольно-инспекторской и хозяйственно-организаторской функций, на органы госбезопасности СССР была возложена и функция информирования органов власти и управления о всех позитивных и особенно негативных процессах, происходивших в стране и в ее отдельных регионах, в частности, на Урале и в Сибири, в годы Великой Отечественной войны.

Органы государственной власти и управления запрашивали оперативную информацию о состоянии дел в области экономики и политики, в промышленности и сельском хозяйстве, в городе и деревне. Партийное руководство требовало установления тотального контроля за умонастроениями всех слоев советского общества: интеллигенции, рабочих, колхозников, военнослужащих, молодежи, верующих, партийных и беспартийных, спецпоселенцев, заключенных, лиц, находившихся в плену, окружении, на оккупированной территории, граждан всех национальностей, проживавших в СССР.

Источниками информации являлись донесения осведомителей органов госбезопасности, контроль почтовых отправок, другие кана-

лы. Схема информирования инстанций была такова. Сводки материалов, подготовленные райотделами (отделениями) и горотделами НКВД(НКГБ)–УНКВД(УНКГБ), направлялись в адрес наркоматов внутренних дел (госбезопасности) автономных республик, Управлений НКВД–НКГБ краев и областей, параллельно – на имя первых секретарей райкомов и горкомов ВКП(б). Подготовленные на их основе спецсообщения, докладные записки, справки направлялись из НКВД–НКГБ республик, УНКВД–УНКГБ краев и областей в центральный аппарат НКВД–НКГБ СССР, параллельно – на имя первых секретарей крайкомов и обкомов ВКП(б), уполномоченных комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по автономным республикам, краям и областям. Спецматериалы, подготовленные аппаратом НКВД–НКГБ СССР, направлялись лично И.В.Сталину, в адрес ЦК ВКП(б), СНК СССР, НКВД, других наркоматов страны.

Реализация информационной функции требовала огромных затрат сил и времени оперативного состава, что нередко шло во вред исполнению основной контрразведывательной функции. Начальник экономического отдела УНКВД по Свердловской области Носенков, выступая 14 февраля 1942 г. на совещании оперативного состава управления, сетовал: «Нами, при штате ЭКО в 32 человека, за последние пять месяцев было послано 215 спецзаписок. Входящих бумаг с различными запросами и заданиями было получено 5500 штук. Чтобы оперативно выполнить эти задания, нужно было каждому оперативному работнику ЭКО выполнять 1,5–2 задания ежедневно. Могло это влиять на квалификацию работы ЭКО? Могло»¹.

О напряженности графика отчетности низового звена органов госбезопасности свидетельствует содержание телеграммы, разосланной начальником УНКВД по Свердловской области Т.М.Борщовым всем начальникам горрайотделов 2 января 1942 г.: «На основании распоряжения НКВД СССР впредь устанавливается следующий порядок отчетности: во-первых, к 5, 11, 17, 23 и 29 числу каждого месяца высылать почтой информацию о положительных и отрицательных политических настроениях видных представителей городской и сельской интеллигенции, кадровых рабочих, колхозников без выводов и обобщений. Во-вторых, к 3 и 17 числу месяца высылать в секретно-политический отдел УНКВД докладные записки о ходе обмолота зерна, выполнении колхозами хлебозаготовок государству, засыпке и сохранности семян, ремонте

сельскохозяйственного инвентаря и тракторов, другим вопросам подготовки к севу. В-третьих, два раза в месяц, к 14 и 30 числу предоставлять в ЭКО УНКВД информацию о восстановлении и работе эвакуированных предприятий, работающих на оборону. При этом обязательно указывать номер завода, в систему какого наркомата входит завод, его местонахождение, фамилию директора, откуда и когда эвакуирован, конкретные факты недочетов в части восстановления предприятий, в организации производства и выпуска продукции, причины и виновных, принятые меры, количество арестованных. В-четвертых, о чрезвычайных происшествиях, повстанческих и бандитских проявлениях, массовых выступлениях и волынках, террористических и диверсионных актах, саботаже и вредительстве, измене Родине, стихийных бедствиях доносить внеочередными сообщениями по телеграфу»².

В таком напряженном ритме действовали и другие территориальные органы госбезопасности страны³. Нетрудно предположить, что эффективность принимавшихся мер по борьбе со шпионажем, диверсией, терроризмом и другими особо опасными преступлениями была обратно пропорциональна уровню бюрократизации оперативной работы.

Судя по доступным архивным документам многие спецсообщения и докладные записки направлялись территориальными управлениями НКВД–НКГБ Урало-Сибирского региона в ГКО, центральные и местные партийные и советские органы по таким вопросам, как: борьба со шпионажем, антисоветскими элементами в народном хозяйстве; противодиверсионное обеспечение объектов связи, железнодорожного транспорта, предприятий оборонной промышленности; недостатки в строительстве новых цехов и выпуске военной продукции; неудовлетворительное состояние противопожарной безопасности; несоблюдение правил техники безопасности на предприятиях наркоматов боеприпасов, вооружения, авиационной промышленности; причины и характер аварий в промышленности; очковтирательство и приписки на военных заводах; причины срыва производства снарядов, зенитных пушек, корпусов танков; неудовлетворительное состояние сельскохозяйственного производства, трудности хлебозаготовительных кампаний и др.⁴

Мощный блок информационных материалов, отложившихся в фондах архивов ФСБ России, ГА РФ, посвящен тяжелым материально-бытовым условиям жизни тружеников города и деревни, нерешенность которых представляла реальную угрозу социально-политической стабиль-

ности глубокого советского тыла. Остановимся на некоторых из них подробнее.

В спецзаписках УНКГБ по Свердловской области директивным органам отмечалось слабое внимание администраций военных заводов и местных партийно-советских организаций к решению жилищной проблемы. Так, на заводе № 46 НКВ (г. Свердловск) за все годы войны было построено только 8 бараков каркасного типа. На заводе № 50 НКТП 4500 эвакуированных с семьями жили на уплотнении. Аналогично разместили 2830 эвакуированных семей на заводе № 76 НКТП. При этом строительство жилья в Свердловске из года в год срывалось: в 1941 г. было сдано в эксплуатацию 12 % планового жилья, в 1942 г. — 9 %, в 1943 г. — 6 %.

Еще хуже были жилищные условия депортированных немцев, калмыков, крымских татар и других контингентов спецпоселенцев, расселенных в бараках, в помещениях, не пригодных для нормальной жизнедеятельности (землянках, банях, амбарах, складах, клубах, даже шалашах). «Такое положение с жильем создает благоприятную обстановку для нездоровых настроений и разговоров», — констатировал Т.М.Борщов в августе 1945 г.⁵ Материально-бытовая и жилищная необустроенность рабочих и ИТР оборонных заводов спровоцировала в конце войны массовые реэвакуационные настроения, которые были оценены властными структурами как проявление антисоветизма.

Информационные материалы органов НКВД–НКГБ наполнены особым беспокойством по поводу резко ухудшившегося продовольственного обеспечения жителей Урала и Сибири, чреватого угрозой срыва военных поставок фронту на почве физической истощенности рабочих, ИТР, колхозников, их высокой смертности.

В 1944–1945 гг. десятки докладных записок о напряженном положении со снабжением населения хлебом были направлены УНКГБ по Свердловской области в адрес руководителей наркомата В.Н.Меркулова и Б.З.Кобулова, 1-го секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андрианова. В них, в частности, отмечалось, что по решению ГКО в январе 1944 г. в Свердловскую область из Сибири и Казахстана планировалось завезти 39 тыс. тонн зерна, поступило лишь 3,9 тыс. тонн, при этом план завоза зерна за ноябрь и декабрь 1943 г. был недовыполнен на 27,4 тыс. тонн. Поэтому многие хлебозаводы области не имели даже суточного запаса муки. В результате рабочие крупных промышленных предприя-

тий Свердловска, Нижнего Тагила, Каменска-Уральского, Верхней Салды, Ревды получали хлеб по ограниченной норме, в Первоуральске, например, по 200 граммов в день⁶. Не были отоварены продовольственные карточки на крупу, жиры, сахар за ноябрь-декабрь 1943 г., январь 1944 г. Часто с 12–14 числа рабочие в столовых получали лишь одно блюдо — щи без жиров. Работница Уралмашзавода Г.Митюхляева в этой связи писала родственникам в Ачитский район: «Жизнь плохая, питаться нечем, раз в сутки покушаешь и недосыта. И не только я пухну, многие у нас валяются у станков, запухшие от голода»⁷.

Тематика спецсообщений УНКГБ по Свердловской области периода 1944–1945 гг. отличалась скорбным однообразием: «О росте заболеваемости и смертности рабочих завода № 68 НКБ», «О смерти рабочего завода № 217 А.Н.Милькова на почве дистрофии», «О неудовлетворительном питании и большой заболеваемости дистрофией рабочих завода № 8 НКВ»⁸.

Спецсообщения о массовых заболеваниях дистрофией, дизентерией, гриппом, сыпным тифом поступали от горрайотделов НКГБ Ирбитского, Шалинского, Табаринского, Слободо-Туринского, Нижне-Сергинского, Березовского, Полевского, Каменск-Уральского, Тугулымского, Нижне-Тагильского районов Свердловской области, других областей Урала и Сибири. Люди травились ливерной колбасой, приготовленной из покрытой черной плесенью говядины и баранины; протухшей рыбой; мясом лошадей и телят, сдохших от недокормицы и болезней; грибами, корнями ядовитых растений. В ряде колхозов хлеб готовили из муки, состоявшей из толченого мха, гороховой соломы, лебеды, клеверного сена. От голода и болезней умирали дети и жены фронтовиков, кадровые рабочие оборонных заводов, колхозники, раненые красноармейцы, заключенные, спецпоселенцы⁹.

Характерно, что в годы войны доля смертей, вызываемых такими по существу экзогенными причинами (то есть, причинами, лежащими вне организма — А.В.) как полуголодное существование, эпидемии (сыпной тиф), болезни (туберкулез, желудочно-кишечные, инфекционные заболевания), резко увеличилась. В 1944 г. доля умерших от дистрофии и авитаминоза в Свердловской области составила 36,4 %, в Челябинской — 27,4 % от всех смертей¹⁰. В первой половине 1944 г. УНКГБ по Свердловской области зафиксировало отдельные случаи людоедства в Алапаевском, Невьянском, Белоярском, Висимском районах, городах Красно-

уральске, Нижнем Тагиле, Серове, Алапаевске, Верхней Туре¹¹.

Лишения и тяготы тружеников тыла были особенно ощутимы на фоне тех систематических злоупотреблений чиновников, о которых докладывали в вышестоящие инстанции руководители местных органов госбезопасности.

Так, по сообщению начальника Кировградского горотдела НКВД секретарь горкома ВКП(б) А. в течение лета 1942 г. неоднократно менял свою корову в Верхне-Тагильском совхозе, выбирая с большим удоем молока. Директор медьзавода Д. раздал из совхоза начальствующему составу завода несколько коров, 30 голов свиней, но ни одной коровы или свиньи не выдал рабочим-стахановцам, красноармейским семьям. О фактах выселения из квартиры жены командира Красной Армии, присвоения этой квартиры секретарем Алапаевского горкома ВКП(б) Ю., неограниченного снабжения руководства горкома партии дефицитными продуктами и товарами со складов заводов, торговых организаций докладывал в марте 1943 г. начальник Алапаевского горотдела НКВД Чапрасов. Информация о скандалах, грубости и пьянстве первого секретаря Пышминского РК ВКП(б) П. направлялась руководством управления в Свердловский обком партии, ЦК ВКП(б)¹².

Удручают факты равнодушия местных руководителей к семьям военнослужащих. По сообщению начальника Ирбитского горотдела НКГБ старики Белозерские, у которых трое из пятерых сыновей-фронтовиков погибли, неоднократно обращались за помощью к заместителю председателя горисполкома К. У стариков не было ни картофеля, ни овощей, ни одежды, ни обуви. Спали они в холодной квартире на голых досках, опухнув от голода. Чиновница в помощи им отказала. По сообщению Буткинского райотдела НКГБ 31 декабря 1943 г. заведующий Буткинским райторготделом Ш., член ВКП(б), без законных оснований отказал в выдаче хлебной карточки на январь 1944 г. матери шестерых сыновей-фронтовиков Н.И.Соколовой. Возмущенные родственники Соколовой принесли ослабевшую женщину на носилках из деревни Палатки прямо в кабинет заместителя председателя райисполкома Ч. со словами: «Возьмите ее, у нас нечем ее кормить». Только после этого хлебная карточка Соколовой была выдана. Начальник Буткинского райотдела НКГБ Гуринов неоднократно предлагал первому секретарю РК ВКП(б) К. и председателю райисполкома Р. обсудить этот факт на заседании бюро райкома партии, сообщил об издевательствах над престарелой женщи-

ной районному прокурору. Но ни РК ВКП(б), ни райисполком, ни прокурор никаких мер наказания по отношению к виновным не осуществили¹³.

При этом, как информировали органы госбезопасности, продовольственные карточки массово расхищались работниками Сысертского районного карточного бюро, мясопродукты растаскивались руководством Красноуфимского мясокомбината, американская гуманитарная помощь, высланная союзниками весной 1945 г. офицерам-инвалидам Великой Отечественной войны, разворовывалась руководством Куйбышевского райвоенкомата г. Свердловска, и т.д.¹⁴ Информационные сообщения органов госбезопасности свидетельствуют об устойчивом равнодушии руководителей различных организаций к судьбам простых советских людей.

Начальник УНКВД по Свердловской области Т.М.Борщов информировал в мае 1942 г. наркома внутренних дел СССР А.П.Берия и секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андрианова о высокой смертности заключенных Тагиллага: в марте 1942 г. умерли 736 чел., в апреле – 1712, за первую декаду мая – 1000 чел. На 12 мая 1942 г. группа «В» (больные и слабосильные) составила в лагере около 12000 чел., или более 41 % общей численности. Причины высокой смертности – пеллагра, авитаминоз, сыпной тиф, острожелудочные заболевания. Начальник лагеря Раппопорт ни разу не информировал УНКВД о сложившейся обстановке и не обращался за помощью в партийные и советские инстанции. Борщов озабоченно резюмировал: «Такое положение в лагере поставило под угрозу выполнение плана строительства. Лагерь из строительного превратился в инвалидный.»¹⁵

Полным отсутствием милосердия страдал Б., директор завода № 68 (г. Невьянск, Свердловская область). На 30 января 1944 г. на заводе было зарегистрировано 575 случаев заболевания дистрофией. На неоднократные предложения заведующей райздравотделом Красюк создать нормальные условия питания и быта для рабочих Б. отвечал: «Мне нужны снаряды, а все остальное меня не интересует». С равнодушием на происходящее взирал и парторг ЦК ВКП(б) на заводе Ш¹⁶.

Социальная несправедливость, черствость и равнодушие, преступная беспечность и безответственность, злоупотребления должностных лиц, – все это обострило тяготы и лишения тружеников тыла, породило массовое недовольство партноменклатурой, резко увеличило цену побе-

ды в Великой Отечественной войне, о чем свидетельствуют информационные материалы территориальных органов госбезопасности СССР.

Ядром информационной деятельности органов госбезопасности являлось выявление и изучение настроений всех слоев советского общества. Начальник 3-го (секретно-политического) Управления НКВД СССР старший майор госбезопасности Н.Д.Горлинский предлагал следующую методику составления информационных сводок для директивных органов: отражение как положительных, так и отрицательных настроений заслуженных деятелей науки, искусства, литературы, профессоров, командных кадров промышленности и сельского хозяйства, сельской интеллигенции, рабочих и колхозников; использование наиболее содержательных высказываний, недопущение искажения их смысла, корректировки; указание фамилии, места работы, должности, партийной принадлежности тех лиц, чьи высказывания фиксировались, а также даты и обстоятельств высказывания, круга участников; указание принимаемых оперативных мер по фактам антисоветских заявлений¹⁷.

По данным Секретно-политического управления НКГБ – 3-го Управления НКВД СССР в течение 1941–1942 гг. политические настроения в связи с начавшейся войной активно изучались в среде членов ВКП(б), интеллигенции, эвакуированных из прифронтовых областей, политэмигрантов, чиновников наркоматов, профессоров, студентов, корреспондентов газет, членов семей и родственников репрессированных, заключенных лагерей НКВД, спецпоселенцев, колхозников и других категорий граждан. Среди десятков тысяч «респондентов» фигурируют имена писателей А.Н.Толстого, Ю.Тынянова, Д.Бедного, Н.Погодина, В.Каверина, Б.Пастернака, историков М.Я.Сюжумова, Н.Г.Павленко, М.М.Гольдберга, видных ученых, известных артистов¹⁸.

Благодаря усилиям советской спецслужбы руководство страны было досконально информировано о социально-политических настроениях народа. Сталина и его ближайшее окружение не могло не беспокоить массовое раздражение населения неудачным началом военных действий. Отклики на выступление вождя 3 июля 1941 г. были довольно резкими и весьма нелицеприятными: «Если Сталин заговорил об организации партизанских отрядов в тылу и об уничтожении всего ценного при отступлении, значит, фронт расширяется и основные силы Красной Армии уничтожены» (юрист Конис); «Речь Сталина непонятна и противоречива. Если главные силы не остановили наступления, как же можно

силами безоружного ополчения бороться с механизированной армией? Еще совсем недавно я был оптимистом, а теперь у меня появились сомнения» (адвокат Портаковский); «Вина за неудачи советского оружия лежит на нашем руководстве. Если народ победит, то вопреки руководству. Пусть Тухачевский вредитель, но то, что было допущено в первые восемь дней войны, хуже вредительства. За это расстреляли бы даже в царской России. Наша верхушка разложилась, оторвалась от народа, а когда народ победит, эта банда снова вылезет и припишет себе победы» (сотрудник Института истории Академии наук СССР М.М.Гольдберг)¹⁹.

Советских граждан, далёких от политики и политиканства, напряжением всех сил создававших оборонный потенциал государства в 1930-е гг., обескураживала военно-политическая беспомощность сталинской верхушки, крах всех героических усилий народа: «Мы несколько лет морили народ голодом во имя обороны. Жили впроголодь, проводили лучшее время в очередях, а вот началась война и мы оказались неподготовленными. Очереди стали больше, продуктов не хватает, народ опять терпит лишения» (Прохоров—директор свердловского завода «Шарикоподшипнику»); «Такая богатая страна и такая неорганизованная в войне! Гибнет всё накопленное трудом и кровью, а защищать нечем. Позор! Наше обученное ополчение — это пушечное мясо. Враг этого войска не боится» (Б.И.Ливанов — народный артист СССР)²⁰.

Несмотря на горечь поражений и досаду на руководство страны народ поднялся защищать Отечество. Информация органов госбезопасности в партийные инстанции изобилует примерами массового проявления патриотизма²¹.

Выполняя роль социологической службы, органы госбезопасности собирали и анализировали отклики населения на назначение И.В.Сталина наркомом обороны, переселение немцев из районов европейской части СССР, объявление войны Японией Англии и США, упразднение института военных комиссаров в Красной Армии, создание комиссии по расследованию злодеяний немецких захватчиков и др.²²

К середине войны органы госбезопасности все чаще стали фиксировать усталость тружеников тыла, раздражение и неприязнь к политическому режиму: «В газетах пишут, что наша берет, а на самом деле у нас морда в крови. Целые города раненых... Скоро надо сеять, а с кем, чем сеять — не знаю. Война затянулась и не видно ей конца, каждый день все жертвы и жертвы... Из колхоза мясо, яйца, молоко, хлеб не успеваем от-

возить, что делается, просто не разберешь. Создано целое рабство без Гитлера» (Н.К.Бриль—председатель колхоза «Баррикады» Исикульского района Омской области.)²³.

В конце войны в информационных сообщениях органов НКГБ отмечалось повсеместное ожидание перемен к лучшей жизни. Усилились массовые антиколхозные настроения. Реевакуационные настроения захлестнули рабочих и служащих оборонных предприятий. В среде интеллигенции шли оживленные разговоры о необходимости перемен в общественной жизни страны, демократизации политической системы СССР. Спецпоселенцы восхваляли довоенные условия в Прибалтике, Западной Украине и Западной Белоруссии, высказывались за скорое возвращение домой. И в городе, и в деревне фиксировались слухи, что изменение советского строя в сторону его демократизации произойдет под нажимом союзников. Хирург Ковалевская говорила: «Война кончилась, а изменений никаких. Народ устал жить, всё опостытело, но никаких перемен пока не предвидится. Союзники потребуют, чтобы наши немедленно распустили колхозы, в противном случае они порвут с нами всякие отношения»²⁴.

Часть населения ожидала перемен в стране в связи с возвращением фронтовиков. Находившийся в поле зрения УНКГБ по Новосибирской области композитор П.П.Вальдгардт заявлял: «После войны должны произойти изменения. Этого требует армия. Та армия, которая находится за рубежом, увидит и почувствует разницу между социалистическим и капиталистическим строем и, конечно, жизнь за границей без очередей с дешевыми продуктами станет неоспоримым доказательством не в пользу социализма»²⁵. Сибирский колхозник Колосов был более категоричен: «Если бы люди, которые находятся в армии, знали, как здесь сейчас живут, они бы сделали то, что было в 1917 г. и установили бы другую власть»²⁶.

Партийные инстанции, досконально информированные о характере умонастроений граждан, могли использовать информацию органов госбезопасности для реализации следующих задач: корректировки социально-экономической политики, внесения необходимых, назревших изменений в сфере внутривластных отношений, демократизации отдельных сторон общественной жизни. Но власть, отчужденная от народа, пошла по другому пути. Она законсервировала политическую систему общества, в которой органы госбезопасности были вынуждены выполнять охранительно-репрессивные функции.

Поэтому отрицательные политические настроения граждан, критические реплики в адрес высшей номенклатуры порою являлись вполне достаточным основанием для привлечения обывателей к уголовной ответственности по ст. 58–10 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР. Таким образом, информационная функция органов НКВД–НКГБ СССР плавно перерастала в функцию тайной политической полиции, обогащая ее содержание.

Несмотря на то, что еще в феврале 1942 г. Б.З.Кобулов заявил, что большое количество арестов по ст. 58–10 является, по существу, браком в чекистской работе²⁷, органы госбезопасности СССР за годы Великой Отечественной войны арестовали по этой статье 131178 чел., при этом в тыловых регионах СССР – 91336 чел., в том числе в Урало-Сибирском регионе – 22482 чел. Это составило 56,0 % от общего числа арестованных в регионе²⁸. Позднее, в марте 1946 г., министр госбезопасности СССР В.Н.Меркулов вынужден был признать, что «аресты лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 58–10 УК РСФСР, не всегда проводились правильно»²⁹. Но для десятков тысяч людей, пострадавших невинно, признание министра явилось слабым утешением.

Таким образом, секретная объективная информация органов госбезопасности, предназначенная для узкого круга партийных и советских руководителей, отражала реальное положение дел в экономике и социальной сфере, позволяла выявлять самые острые и злободневные проблемы развития Урало-Сибирского региона, исключала возможность самообмана со стороны регионального и высшего руководства СССР. Характерной особенностью информационной деятельности органов НКВД–НКГБ являлось преобладание сведений о негативных экономических и социально-политических явлениях. Информационная работа органов госбезопасности служила основой для разработки и принятия важнейших решений ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б), способствовала как мобилизации всех сил на разгром врага, так и упрочению политического режима, консервации его репрессивного характера.

Примечания

- 1 Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф.3. Оп.9. Д.125. Л.56.
- 2 Архив УФСБ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.118. Л.13.
- 3 Архив УФСБ по Челябинской области. Фонд приказов. Оп. – 1941 г. Д.19. Л.50; Д.22. Л.54.
- 4 Государственное учреждение «Центр документации общественных организаций Свердловской области» (ГУ ЦДООСО). Ф.4. Оп.18. Д.13. Л.387,

- 388; Д.15. Л.462; Д.16. Л.310, 414; Д.19. Л.20, 62–67, 88, 89, 170, 171, 202–204, 218–220; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.п-288. Оп.4. Д.78. Л.10, 11; ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.8. Д.62. Л.5, 6; Д.718. Л.1–14; Оп.9. Д.129. Л.16–21, 35, 36; Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф.10/13. Оп.3. Д.3. Л.13об. ; Архив УФСБ по Омской области. Ф.87. Оп.3. Д.381. Л.90, 91; Д.453. Л.40, 41; Архив УФСБ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.119. Л.13, 25; Д.130. Л.216, 218, 227–230, 278об., 279, 280, 283–286; Д.161. Л.182., 183, 287; Д.203. Л.46; Д.209. Л.141; Д.229. Л.93, 94, 192; Архив УФСБ по Челябинской области. Ф.27. Оп.1. Д.2. Л.47, 218; Д.5. Л.206–209; Оп.4. Д.7. Л.25, 26; Оп.5. Д.7. Л.51.
- 5 Архив УФСБ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.229. Л.110–117.
- 6 Там же. Д.201. Л.140–142; Д.208. Л.97, 98.
- 7 Там же. Д.204. Л.165; Д.208. Л.100, 101.
- 8 Там же. Д.204. Л.23; Д.208. Л.128, 152; Д.209. Л.45; Д.211. Л.59–61.
- 9 Там же. Д.204. Л.83, 84; Д.208. Л.106, 112–113об., 147, 180, 185; Д.209. Л.3–4об., 30, 46, 67, 97, 98, 113, 116, 153, 156, 157, 161, 163, 166, 168, 173, 174, 186, 189, 192, 195–199, 226; Д.211. Л.23, 39, 40, 62, 85; ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.8. Д.718. Л.681–683, 691, 693.
- 10 Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С.78.
- 11 Архив УФСБ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.201. Л.93, 95; Д.204. Л.55, 110, 136, 136об.; Д.208. Л.159, 165, 165об.; Д.209. Л.295, 296, 298.
- 12 Там же. Д.134. Л.174, 175; Д.135. Л.25, 27–33, 43–44об.
- 13 Там же. Д.202. Л.243, 243об.; Д.208. Л.21, 21об., 70.
- 14 Там же. Д.208. Л.130; Д.228. Л.69, 69об., 71.
- 15 Там же. Д.132. Л.135, 135об.
- 16 Там же. Д.208. Л.74, 75.
- 17 ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.9. Д.126. Л.8, 14, 19.
- 18 Там же. Ф.3. Оп.8. Д.718. Л.131–137, 141–161, 166–168, 173–181, 202, 205–210, 223–228, 312–319, 388–391; Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.223. Л.48.
- 19 Там же. Д.726. Л.39, 41; Д.727. Л.11.
- 20 Там же. Д.718. Л.151–154, 209, 210; Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.119. Л.14.
- 21 ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.8. Д.718. Л.278, 306–310; Д.726. Л.229, 230, 657–662; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.9479. Оп.1. Д.74. Л.30; Д.78. Л.70; Д.79. Л.221; Д.82. Л.18об.; Д.106. Л.214об., 215, 246; Д.107. Л.74; Д.113. Л.215об., 216; Д.164. Л.188; Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.135. Л.92; Д.146. Л.101, 102; Д.208. Л.250.
- 22 ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.8. Д.718. Л.173–175, 518–520; Д.726. Л.512–516, 672–675; Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.146. Л.138–142, 187, 238, 253–255.

- 23 ЦА ФСБ России. Ф.4. Оп.1. Д.156. Л.29об., 30.
- 24 Там же. Ф.4. Оп.3. Д.1301. Л.32, 33; Д.1328. Л.74, 75; Д.1332. Л.95, 96; Д.1333. Л.33об., 34; Д.1340. Л.71, 72, 80–84; Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.223. Л.48, 52.
- 25 ЦА ФСБ России. Ф.4. Оп.3. Д.1332. Л.97.
- 26 Там же. Л.98.
- 27 ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.9. Д.125. Л.29.
- 28 Там же. Ф.4. Оп.3. Д.1286. Л.2, 3; Д.1298. Л.1–3, 104, 105; Д.1301. Л.2–4; Д.1303. Л.36–38; Д.1320. Л.79; Д.1325. Л.2, 3; Д.1328. Л.2–4; Д.1332. Л.114–116; Д.1333. Л.36; Д.1344. Л.1–3; Д.1346. Л.2; Д.1348. Л.109–111; Д.1350. Л.62–67; Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.223. Л.57, 57а, 57б.
- 29 ЦА ФСБ России. Ф.66. Оп.1. Д.922. Л.70об.–72.

*Запарий В.В.
(Екатеринбург)*

«УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ», НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, НОВОВВЕДЕНИЯ И ТРАДИЦИИ*

Новые веяния в политике в 1990-е гг. привели к большим изменениям в российской исторической науке, причем не только в тематике и методологии исследований, но и в появлении новых перспективных научных форумов. Так, 17 октября 1996 г. в г. Екатеринбурге состоялась региональная научная конференция на тему: «Урал индустриальный». Конференцию организовала кафедра истории России УГТУ–УПИ. Таким образом, традиции изучения уральской индустрии, кажется иссякнущие с «перестройкой», были возобновлены. В организации конференции приняли участие ученики известного уральского историка промышленности профессора А.В.Бакунина: Б.В.Личман, Н.В.Васильева, В.В.Запарий и др. Кроме того, их поддержал известный философ профессор Г.В.Мокроносов.

Конференция задумывалась как форум ученых различных отраслей, в основном – гуманитарного знания, которые исследуют различные проявления жизнедеятельности огромного региона – индустриального Урала. С тех пор эта конференция стала традиционной. Сейчас уже прошло пять таких конференций, планируется шестая конференция.

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда «РГНФ–Урал» проект № 04–01–83113а/У «Металлургия Урала XVIII–XX вв.».